

Юрий Коваленко, «Новые Известия», из Парижа

Новые известия. - 2000. -
24 мая. - с. 7.

Русский художник глубоко верит и много пьет

С конца 50-х годов Немухин сблизился с группой молодых художников и поэтов, из которых в дальнейшем сложилась ныне знаменитая «Лианозовская группа». Собирались они в основном на квартире у Оскара Рабина, который уже давно перебрался в Париж. Иногда приходили поэты, объединявшиеся вокруг Евгения Кропивницкого. Из таких сборищ и вышло то, что потом было названо «вторым русским авангардом» или «новой московской школой». Никакого вождя или вдохновителя у них не было, а имелся только хозяин квартиры — Оскар Рабин. Именно он, кого прозвали «подпольным министром культуры», был центром притяжения; вокруг него и сложилась самобытная художественная группа.

Вспоминая ставших ныне известными мастеров — Александра Харитонову, Вячеслава Калинина, Анатолия Зверева, Дмитрия Плавинского, Дмитрия Краснопевцева, он признает, что их объединяли не только общие интересы, взаимное уважение, принадлежность к андеграунду, но и в не меньшей степени склонность к чувственному наслаждению пьянством. Так, Зверев любил звать Немухина в Пушкинский музей, в буфете которого торговали пивом, «похмеляться с искусством». «Я художником был до 60-х годов, тогда я писал «подлинное», кровью, — говорил Зверев. — После же я стал работать для «общества», один липовый поток пошел». Краснопевцев, которого Немухин называет «художником гишины», удивительно красивый человек, с манерами эстета и образом жизни отшельника. «Краснопевцев Дима жил неизгладимо», — писал о художнике поэт Генрих Сапгир. Метафизический пафос живописи

ГЕНАДИЙ КАМЕРЛЯНИН

«Немухинские диалоги» — небольшая книга воспоминаний и размышлений известного российского художника Владимира Немухина, написанная им совместно с писателем Марком Уральским, недавно вышла в свет в московском издательстве «Бонфи». Один из лидеров отечественного нонконформизма, участник «бульдозерной» выставки, Владимир Немухин, которому в этом году исполняется 75 лет, повествует в этой, по его словам, «ностальгуске» об эпохе, о себе и своих товарищах — о художниках, коллекционерах и, конечно, об искусстве.

Краснопевцева насквозь пропитан ароматами античности, но для Немухина он всегда являл собой высокой пробы тип русской духовности — человека образованного, глубоко верующего и сильно пьющего.

В смысле выбора художественной веры на Немухина большое влияние оказала личность Владимира Вейсберга, человека, безраздельно преданного творческому служению, где совершалось для него великое разделение между светом и тьмой. В нем органически сочетались православная религиозность и мироощу-

щение дзэн-буддийского толка. Вейсберг был человеком душевно больным, и в этом смысле его страдания сродни тем, которые пережили Владимир Яковлев и Анатолий Зверев. Эти три гениальных шизофреника, отмечает Немухин, утвердили в «здоровом» советском обществе право на болезнь, как способ постижения бытия.

Прошедший через ГУЛАГ Борис Свешников, художник очень популярный в среде московского андеграунда начала 60-х годов, заявлял себя как последовательный продол-

жатель традиций европейского романтизма. Он создал свой собственный мир — иллюзорно-символический мир европейского средневековья. Однажды в конце 80-х годов Немухин предложил ему вместе поехать в Прагу: «Это же и есть твоя Европа, можно сказать, родовое гнездо». «Да нет, спасибо, я не поеду, — последовал ответ. — Вот если бы ты пригласил меня в 15-й век!». Сейчас, когда Свешникова не стало, мне кажется, считает Немухин, что среди нас он был последним «мирикусником», только не с «усадбным», а с лагерным опытом.

Последние годы Владимир Немухин живет и работает в Германии, где в основном и выставляется. За граница, по его мнению, дала ему понимание иных пластических состояний. Однако западная действительность оказалась гораздо прозаичней, жестче и враждебней, чем художники предполагали, сходя за «железным занавесом». Произошло столкновение устойчивых цивилизованных форм художественной жизни с дикой, наивно-романтической художественной стихией...

«Возвращаясь я домой, в Россию, и ослабеваю, — с грустью констатирует художник, — ни новых идей, ни интереса к чуждому творчеству, ни желания понять, чем дышит современное искусство. Все живут, как на вокзале в ожидании поезда, — сидят, говорят, ходят, пьют, едят, курят, маются и ждут, поглядывая на часы, — а поезда все нет и нет. Эпоха андеграунда с ее бескорыстным энтузиазмом, нищетой и верой в особую миссию искусства канула в Лету, а на «рынке искусства» законы уже большие жестокие, удушающие... Другая пошлость и новая нищета. Оттого и вкус к «товариществу» пропал, каждый обособился и сам жует свою мякуну».